

**ЭЛЛА МАЙЯР.
ДОРОГА ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ**

Положительно, Элле Майяр надо было родиться юношей. Ну какая девушка из благополучной семьи бросит свою благополучную ухоженную Швейцарию и отправится на край света — в Маньчжурию, охваченную войной, или Афганистан, в котором война всегда тлела, — ради призрачной цели познать мир и самоё себя?

Но наша героиня была путешественницей по призванию. Осмысление своих приключений, своего жизненного пути пришло позднее, с годами. А для начала достаточно было охоты к перемене мест. В юности многие из нас мечтают о дальних странствиях,

о неведомых берегах, но лишь очень немногие потом становятся настоящими путешественниками, среди женщин — единицы. В их числе была и Элла Майяр.

Жизнь ее целиком укладывается в двадцатый век. Родилась она в 1903 году в Женеве в семье торговца мехами, а умерла в 1997 году, прожив, таким образом, 94 года! А если учесть при этом, что последнее свое путешествие она совершила на Тибет в 82 года, то можно только подивиться завидному здоровью и долголетию знаменитой путешественницы.

В раннем детстве отец познакомил девочку с книгами о путешествиях и приключениях, географическими картами, которые манили удивительными названиями далеких стран. Мать пристрастила слабую здоровьем дочь к горнолыжному спорту.

«Вирус бродяжничества» рано овладел молодой девушкой. Первым ее увлечением был парусный спорт, создающий иллюзию дальнего плавания. Вместе с подругой она совершает на одномачтовой яхте путешествие по Средиземному морю до островов Корсика, Сардиния, Сицилия, а затем до Ионических островов. Это был период жизни, который сама путешественница назвала «бродяжничеством под парусами». Она нанимается матросом на яхты богатых англичан, участвует в 1924 году в Олимпийских играх в одиночных парусных гонках, входит в состав сборной Швейцарии по горнолыжному спорту.

Но мечту о южных морях, о дальних странствиях приходилось отложить, чтобы заняться более прозаическим делом — зарабатывать на жизнь. Она пробует разные профессии: стенографистки, натурщицы

в ателье скульптора, коммерческого агента, актрисы в драматической студии, преподавателя французского языка. Снимается в кино — дублершей Марлен Дитрих в киноленте «Голубой ангел», актрисой в фильме о горнолыжниках. Организует женскую команду хоккея на траве, четыре года подряд представляет Швейцарию на чемпионатах мира по горнолыжному спорту.

Но, в сущности, все эти годы были для Эллы Майяр временем поисков самого себя, своего места в жизни. Западная цивилизация ее не привлекала. В ту пору она писала: «За исключением времени, когда я плавала на море или занималась лыжным спортом, я чувствовала себя потерянной, я жила только наполовину. Все, что я видела, все, что я читала, мне не нравилось».

Однако жить «наполовину» она не хотела, она хотела жить полной жизнью. И судьба оценила ее порывы. В Берлине Элла Майяр познакомилась с русскими эмигрантами и загорелась желанием увидеть загадочную Страну Советов. Вдова Джека Лондона в 1930 году финансирует ее поездку в Россию. В Москве она знакомится с дочерью Льва Толстого и живет в ее квартире. Встречается с известным советским режиссером Всеволодом Пудовкиным, чей фильм «Потомок Чингисхана» укрепляет ее интерес к Азии. И, наконец, московские знакомые помогают ей с группой студентов совершить экспедицию на Кавказ, в Сванетию.

После возвращения в Париж молодая путешественница получает предложение от издателя Шарля

Фаскеля написать о своем посещении Советского Союза. Ее первая книга «Среди русской молодежи», проникнутая симпатией к советским людям, стала событием во Франции и приобрела скандальную известность на родине Эллы Майяр, в Швейцарии. Вокруг книги развернулись бурные дебаты в прессе. «Безрассудный материализм» Европы стал невыносим для путешественницы, и все ее помыслы устремились на Восток. «Не существует двух мудростей — одна западная, другая восточная, — пишет она. — Существует только одна, но никогда не надо забывать, что мы, европейцы, ничто без Азии».

К тридцати годам Элла Майяр была вполне сложившимся человеком. Она не считала себя ни ученым, ни журналистом, ни тем более туристом. Она была сама по себе. Но со временем ее путешествия приобретают исследовательский, этнографический характер. У нее открылся литературный дар, и читателям нравились ее сочинения, иллюстрированные сделанными ею фотографиями. Как Элла Майяр сама говорила, она была журналистом по необходимости и фотографом по призванию. Деньги, которые она вырочала за свои книги, позволяли совершать новые экспедиции. «Как только у меня не хватает денег на кусок хлеба, я начинаю писать о своих путешествиях», — отзывалась Элла Майяр. Она решила, что гонорар от издания книги «Среди русской молодежи» позволит ей совершить путешествие на Восток от Москвы, на новый для нее континент.

Весной 1932 года Элла Майяр получила советскую визу и выехала в Алма-Ату. Этот полуазиатский,

полуевропейский город, утопающий в яблоневых садах и расположенный среди голубых горных вершин Тянь-Шаня, стал для нее воротами в Центральную Азию. В окрестностях Алма-Аты, с высоты пяти тысяч метров, недалеко от границы с запретным Китаем она видит песчаные просторы пустыни Такла-Макан и дает себе слово когда-нибудь ступить на эту бесплодную землю.

Впереди ее ждал долгий путь. Путешествие было опасным, так как советские власти крайне неохотно допускали иностранцев в среднеазиатские республики, граничащие с Афганистаном и Ираном.

С рюкзаком за плечами и дорожной сумкой, в которых были два фотоаппарата «Лейка» с запасом фотопленок, сменная одежда, спальный мешок, медикаменты и провизия, с трудом раздобытая в полуголодной Алма-Ате, почти без денег, Элла Майяр достает билет на товарно-пассажирский поезд, чтобы доехать до Ташкента. В вагоне, предназначенном для перевозки скота, ее соседками оказываются женщины-казашки. Они делятся с путешественницей своими скудными припасами, и одна из них привлекает ее внимание.

«Это самое очаровательное создание из всех, кого я видела, — рассказывает Элла Майяр. — На голове ее был огромный тюрбан из белого кашемира, обвитый лентами с золотой вышивкой. Шерстяная бахрома на концах ткани падала каскадом на ее спину. Платок, завязанный под подбородком, отделан красной полосой и, дополняя этот пышный головной убор, как вуаль закрывает почти все тело, делая ее похожей на

монахиню. На запястье — несколько серебряных браслетов. В вышитом покрывале она держит ребенка, тубетейка которого украшена монетами.

Тонкий овал лица таит благородную лукавость. Глаза с приподнятыми уголками светятся умом, тонкий нос, густые брови, пухлый, снисходительно улыбающийся рот, который, кажется, говорит: «Я могу сидеть на ступеньках вагона, но это не умаляет моего достоинства».

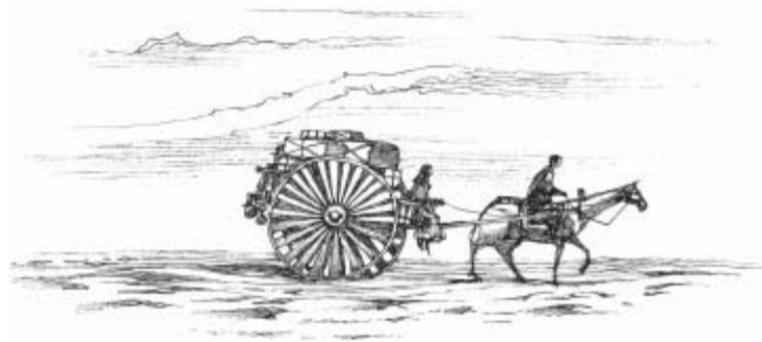
Состав прибыл в Ташкент ночью, а утром Элла Майяр увидела большой город, четко разделенный каналом Анхор на две части — Старый город и Новый. В «новой», европейской части одноэтажные домики, утопающие в зелени палисадников, выстроились вдоль прямых улиц, замощенных булыжником и отделенных арыками с журчащей водой от тротуаров, выложенных кирпичом. Лишь кое-где возвышались двух- и трехэтажные здания дореволюционной постройки.

Все дни проводила Элла в лабиринтах улочек «старого» города. Все изумляло ее: паломники у мавзолея мусульманского святого Юнусхана, что на Шайхантауре, купола Джума-мечети около базара, величественный портал медресе Кукельдаш, у подножия которого шумела пестрая толпа. Среди торговцев и покупателей ходили женщины, облаченные в паранджу, накинутую на голову, с сеткой из конского волоса — чачваном, закрывающим лицо. Элла Майяр с удивлением наблюдала, как в трамваях они садились возле своих сестер, которые спешили в школу или институт в коротких юбках, черных чулках и кофточках цвета хаки.

В тридцатые годы двадцатого столетия советская Россия переживала грандиозный социалистический эксперимент, и наша путешественница была его заинтересованным свидетелем. На историческом календаре был «Худжум» — «Наступление». Так называлось общественное движение против векового затворничества женщин, за их освобождение и раскрепощение. Элла Майяр видела уже немало открытых лиц. Но все же еще больше было тех, кто считал, что мусульманин за всю свою жизнь может видеть лица только четырех женщин — матери, жены, сестры и дочери. Эмансипированная европейка сочувствовала женщинам Востока, но благоразумно понимала, что далеко не все из них готовы и могут сбросить паранджу. Кстати, это, кажется, был почти единственный случай, когда наша путешественница почувствовала преимущество своего пола. Местные женщины свободно открывали перед ней лица, охотно беседовали с ней, доверяли свои дела и заботы. Майяр не нуждалась в услугах переводчика, поскольку во время своей предыдущей поездки в Страну Советов хорошо освоила русский язык.

Описывая свои прогулки по старогородским улицам Ташкента, она приводит живую сценку: «Четверо женщин сидят в середине двора, как темные, бесформенные холмы, под своими паранджами. Я подхожу к ним. Мы улыбаемся друг другу. Женщины не носят чадру, и двое из них выглядят восхитительно красивыми в складках паранджи, прихваченных губами. Внезапно став серьезными, они закрыли свои лица, встали и друг за другом пошли к своему хозяину, позвавшему их из ворот».

Необычным средством передвижения для Майяр казалась арба — национальная телега. «У нее только два колеса, каждое более шести футов высотой, замечательно приспособленные для путешествия по песку и немощеным дорогам. У нее нет железных покрышек, а вместо этого в обод вбиты огромные гвозди с железными шляпками, они блестят на солнце и создают незабываемое зрелище», — описывает она

свои впечатления, еще не подозревая, что в ее долгом путешествии по дорогам Узбекистана тридцатых годов ей не раз придется пользоваться этим транспортом.

Она нашла себе временное жилье в одном из узбекских домов в старинном ташкентском районе — на Урде. Описывая простой, но выразительный интерьер этого гостеприимного дома, Майяр отмечает, что в полу комнаты находится углубленный прямоугольник — сандал. «Во время холодной погоды на его дно насыпают тлеющие угли, над отверстием ставится низкий стол и все накрывается одеялом, чтобы сохранить

тепло. Постелены ковры, стоят узорчатые сундуки, большое количество чайников, а в нише стены висит фотография группы студентов — сын учится в техникуме».

За свою долгую жизнь Элла Майяр использовала, кажется, все виды транспорта, летала она и на самолете, что в ту пору было редкостью. Да и не всякий еще согласился бы. Из Ташкента в Самарканд она вылетела на маленьком трехместном «Юнкерсе» и обозревала караванные тропы Великого шелкового пути с птичьего полета. «Извилистые оросительные каналы разветвляются в зелени садов. Хлопковые поля — желтоватые, разделенные темным пунктиром. Вот и Сырдарья! Я с ней близко знакома, я ее видела совсем крошечной там, у ее ледниковых истоков, на Тянь-Шане, я это хорошо помню. Она называлась Нарын, когда еще только струилась от камушка к камушку... Теперь под нами Голодная степь, огромная, с желтыми залысинами, с белыми пятнами соли... Пролетаем над Джизаком, построенным недалеко от ворот Тамерлана. Самолет поднимается, чтобы преодолеть гору, которая преграждает нам дорогу... Скользим в долину Зеравшана. Вот четко ограниченный оазис Самарканда, зелень, местами осыпанная пчелиными сотами — дворами домов. И развалины. Они остались позади, мы снова пролетаем над пустыней, она поднимается к нам, чтобы мы могли остановиться на ее ровной поверхности».

Элла Майяр вступила на землю древнего Самарканда. «Я собираюсь посетить город, о котором знаю, что ничто не спасет от волшебства его имени. Все, что

было передо мной, было настоящим открытием», — написала она.

В Самарканде все дороги вели на Регистан — главную площадь средневекового города, где происходили все торжества, смотры, воскресные базары. «Площадь Регистан невероятно впечатляющая, закрытая с трех сторон величественными фасадами медресе, — отмечала путешественница. — Медресе Улугбека великолепно своей совершенной простотой. В каждом углу возвышается одинокий минарет, кирпичи выложены таким образом, чтобы получились узоры в темно-синих ромбах. Это медресе было одним из самых важных и самых древних в Центральной Азии. Оно было построено в 1420 году Улугбеком, внуком и преемником Тамерлана, великим астрономом и математиком. Напротив — медресе Шер-Дор, копия медресе Улугбека, хотя и построенное двумя веками позже. Вопреки обычаю, на фасаде изображены животные, похожие на львов. На всех сторонах здания размещены надписи на арабском языке. Одна из них гласит: «Зодчий построил арку портала с такой безупречностью, что сами небеса кусают свои пальцы от изумления, думая, что видят, как восходит новая луна».

Путешественница обнаруживает, что не может попасть в Шер-Дор. Оказывается, в городе уже несколько месяцев идет суд над басмачами, и они содержатся под стражей в этом медресе.

Сама она живет на Регистане в медресе Тилля-Кори, что на персидском языке означает «золотая работа», в котором располагалось туристическое бюро. «На каждой из четырех стен, образующих внутренний

двор, — сообщает Элла Майяр, — находятся десять больших ниш с заостренными арками. Центральная ниша на каждой стене огромная, обрамленная сверкающей многоцветной мозаикой. Это айван, или классический портал. Айван с запада увенчан огромным куполом, перекрывающим помещение устроенной здесь мечети».

А путешественница помещается в худжре, бывшей комнате для студентов. «С одинокой террасы, где я провожу много часов, мой взгляд парит над морем плоских крыш, окружающих крошечные внутренние дворики домов. Поднимаясь еще выше, я добираюсь до узкого коридора, идущего вокруг барабана, на котором поддерживался купол. Я вижу верхушки огромных минаретов, которые выглядят как бездымные заводские трубы».

А за Регистаном находится крытый рынок — торговый купол Чорсу, всегда полный народу. Здесь, по представлению европейской женщины, продавались любые воображимые вещи: тюбетейки, мыло, табак, тесьма, ткани, шелковые платки, чулки, ленты, масляные оладьи на сковородах, куски баранины на огромных подносах, сладкий нават, сверкающий своими ледяными кристаллами...

Ташкентская улица ведет от Регистана к городскому базару и руинам мечети Биби-ханым. Два огромных холма, большие груды кирпичей, куски изразцов, разбросанные повсюду, громадный двор, когда-то мощный, а теперь засаженный деревьями — такой ее видели местные жители, издавна разбиравшие священные камни мечети для своих домашнихстроек.

«Биби-Ханым, развалины прошлого великолепия! — воскликнула Элла Майяр. — И вот, наконец, я увидела, обращенную ко мне огромную восьмидесятифутовую арку, кусок сверкающего бирюзового свода, перед которым блекнет небо. По обе стороны здания находятся огромные восьмиугольные минареты, на которых бирюзовые и синие кирпичи выложены в форме восходящих рисунков, а фаянсовые плитки облицовывают стены, окружающие портал».

Мечеть Биби-ханым была построена по повелению Амира Темура в 1399–1404 годах и названа по имени его старшей жены. Величественное здание было рассчитано на то, чтобы свидетельствовать о могуществе и неколебимости государства Темура. Однако мечеть постигла печальная участь. Вскоре после смерти повелителя здание начало разрушаться, так что спустя столетия оно представляло лишь величественные руины, какими их и застала наша путешественница. Но в конце XX века мечеть была реставрирована, и теперь, как в былые времена, ее купол возносится над городом.

Эпоха Темура необычайно заинтересовала Эллу Майяр. Она с увлечением слушает предания о его походах и читает исторические исследования. В своей книге она рассказывает о том, как в четырнадцатом веке Темура объединил Туркестан, заменил персидский язык на тюркский и в начале 1370 года сделал Самарканд своей столицей, повсеместно отстроив город, оставшийся в развалинах после нашествия Чингисхана.

Гури-Амир, или мавзолей Темура, который был сооружен в 1404 году, был сначала предназначен для

любимого внука государя Мирзы Мухаммада Султана. Но вскоре после смерти в Отраре здесь был погребен сам Амир Темур.

«Расположенный в конце извилистого переуллка, в тени прозрачных акаций, — пишет Элла Майяр, — он выглядит чрезвычайно впечатляюще, с куполом, сверкающим над равниной, над глиняными «дувалами» и жилыми строениями без окон. Подходя ближе, можно увидеть сияние солнца на стенах двадцатифутовой колонны, огромные куфические буквы, искусно инкрустированные белыми кирпичами, окаймленными темно-синими. Приближаясь, вы увидите величественную восьмиугольную конструкцию, которая поддерживает все здание. Во дворе у входа стоит изолированная арка, окруженная деревьями. Она покрыта украшениями, выполненными с величайшей изысканностью в синих и темно-зеленых тонах.

Входим в усыпальницу через сводчатый коридор. Камера темная, и солнечный свет просачивается сквозь маленькое окно. Вокруг саркофага Темура, простого прямоугольного блока темно-зеленого нефрита, покоятся его придворные и близкие, среди них его внук Улугбек. Около надгробной плиты духовника Темура Шейха Саида Береке возвышается бунчук, указывающий могилу святого. Отделка из мрамора и резного гипса инкрустирована яшмой, а на стенах можно увидеть следы позолоты и орнамента».

Много разорения принес Тамерлан странам, простиравшимся от Индии до Египта, заключает путешественница, но в Самарканде он возвел такие

памятники зодчества, что они до сих пор изумляют зрителей...

Большое впечатление, как признавалась Элла Майяр, на нее произвел комплекс Шахи-Зинда, целая «улица мавзолеев», состоящая из дюжины гробниц. Они были построены в XI—XV веках около почитаемой усыпальницы «живого царя», как называли Кусама ибн Аббаса, двоюродного брата пророка Мухаммеда, погибшего в бою с неверными и похороненного в Самарканде. Его могила издавна стала святым местом.

Каждый мавзолей самобытен и не похож на соседний. В то же время все они отличаются богатством и разнообразием декоративного убранства. «Ультрамарин сочетается с бирюзой, цвет морской волны с изумрудным, зеленовато-синий с коричневато-желтым, ляпис-лазурь с жженой охрой, кажется, все цвета отображаются друг в друге и, усиленные теплым светом глиняных кирпичей, несутся в голубое небо как песнь триумфа», — вспоминала Элла Майяр. Мулла, стоявший под сводом небольшой мечети у мавзолея Кусама ибн Аббаса, открыл ей деревянную дверь, украшенную изящной резьбой. В преддверье святой гробницы стояли шесты со свисающими конскими хвостами, вокруг которых были обвиты полосы ткани — свидетельства жертвоприношений верующих.

Обширное заброшенное пространство, известное как Афросиаб, простирающееся позади комплекса Шахи-Зинда, представляло собой пыльные холмы могил, простые кирпичные склепы и узкие обвалившиеся туннели. Раскопки этого городища, как

узнала Элла Майяр, позволили открыть целый город с многовековой историей. «В цитадели жила королевская династия, вокруг них жили торговцы, на внешнем кольце находились воины, город окружали сады, — передает она рассказ местного историка. — Узбеки не утратили любовь к чтению о подвигах Александра Македонского, известного здесь как Искандер Зулькарнайн. Великий завоеватель дошел до этих мест в 329 году до нашей эры. Здесь он женился на Роксане, дочери местного князя. Он поженил своих воинов и женщин этой страны. Он намеревался объединить Европу и Азию узами законного брака и одним общим поколением. Александр столкнулся с согдийцами и бактрийцами. Изначально их религией был зороастризм, который был основан на конфликте между светом и тьмой».

Действительно, археологи обнаружили на Афросиабе множество терракотовых головок Афины, бронзовые изделия и наконечники стрел, греческие геммы, монеты, статуэтки зороастрийской богини плодородия Анахиты. Все эти древности, найденные учеными, можно теперь увидеть в музее Афросиаба, который расположен среди холмов, скрывающих городище.

Собираясь выехать в Бухару, Майяр пишет: «Мне грустно было покидать Самарканд, потому что я любила его оживленность, толкающуюся толпу, где я чувствовала себя как дома. Я не забуду огромный крытый базар у подножия Биби-Ханым, многочисленные чайханы с айванами, живописно установленные в тени карагачей.

Бухара — пристанище аистов, цитадель мусульманской науки, город-медресе, в который съезжались студенты со всего мира, кем ты являешься сейчас?»

Поезд доставил Эллу Майяр в Каган, железнодорожную станцию Бухары, по транскаспийской магистрали, связывавшей Ташкент с Красноводском.

Долгие годы «Благородная Бухара» была закрыта для посещения неверных, лишь в середине XIX века первые искатели приключений проникли сюда из Европы. Теперь Красная Бухара встретила путешественницу очередями за хлебом, сутолокой базаров, пылью узких улочек. Элла Майяр находит жилище в одной из келий-худжр заброшенного медресе, в котором расположилось туристическое бюро, и наблюдает странную ей жизнь восточного города. «Пошт, пошт!» — кричат верховые и арбакешы, пробиваясь сквозь толпу. Проезжает грузовик, оставляя после себя непривычный запах бензина. Знатокки пристрастно рассматривают текинские ковры и китайский фарфор. В больших кипах из серой шерсти провозят стекла для керосиновых ламп.

Однако более всего, несмотря на лишения и трудности, которые испытывает путешественница в Бухаре, ее интересует история этого края и памятники старины, которыми так богат город. За свою более чем двухтысячелетнюю историю город не единожды восстанавливался, перестраивался. И тем более впечатляют древние постройки, уцелевшие после всех войн и потрясений.

«Все, что еще живо, глубоко задевает как нигде на земле, — отмечает Элла Майяр. — Незабываема

удивительная цветочная свежесть фасада медресе Абдуллазиз-хана, возведенного в XVII веке. Чистота линий, элегантность пропорций, богатство красок создают красоту здания, с его открытым улыбающимся внутренним двором, с его комнатами с фресками из пурпура и золота и сталактитовыми потолками.

А напротив него — суровая архитектура медресе Улугбека с его узким внутренним двором, с его высокими стенами, охраняющими тишину. Какая тайна лежит в его классических пропорциях!

Но вот, где видна грандиозность, так это в минарете Калян. Возведенный в XII веке, он за столетия не дал ни одного миллиметра осадки. С высоты почти пятидесяти метров виден огромный внутренний двор мечети, ее бирюзовый купол и центральный фронтон. Во время праздников огромный красный ковер стелился на площади. Какой магический эффект он, должно быть, производил на верующих».

На площади у минарета Калян, шумит пестрая толпа, кажущаяся Элле Майяр крошечной у подножия огромной арки медресе Мир-Араб, самого известного в Бухаре. Некогда здесь сотни студентов изучали Коран, риторику, поэзию и логику, чтобы через пятнадцать лет стать имамами в мечетях.

Она заворожено рассматривает геометрический узор, сложенный из фигурных кирпичиков строениями древнейшего памятника исламской культуры — мавзолея Исмаила Самани, относящегося к IX—X векам. Ей кажется странной конусная форма купола мазара Чашма-Аюб, сооруженного над источником, как говорит предание, забившим из-под земли

от удара посоха библейского пророка Иова. Вдыхает запах вечности в мечети Чор-Минор, где каждый из четырех минаретов с бирюзовыми куполками увенчан гнездами аистов. Часы отдыха проводит на берегу Лаби-хауза, любуясь мозаиками медресе Диван-Беги.

Бухара представлялась ей городом контрастов, в котором старое и новое соседствуют и пересекаются: под монументальными воротами дворца эмира в Арке расположился педагогический техникум, в мечети Боло-Хауз поселился рабочий клуб.

Дороговизна продуктов в охваченной голодом Бухаре почти полностью опустошила кошелек Эллы. Она поняла, что в этом городе нужно делать то, что делают все — продавать или покупать, и решила продать на базаре ножницы, которые когда-то ей служили в долгом круизе под парусом, нож и часы. Вырученные деньги помогли ей продолжить путь и добраться до Ургенча.

Двадцать две мили, отделяющие Ургенч от Хивы, Элла проделала на почтовой арбе, сидя на верхушке груды больших кожаных мешков с письмами и бандеролями. Вдоль дороги тянулись хлопковые поля. Воду для орошения полей подавали из арыков чигири — огромные колеса, с прикрепленными по ободу глиняными горшками-черпаками.

Хива — город соловьев, как его называла Элла, поразил ее ханскими дворцами, в одном из которых под названием Таш-Хаули она увидела помещения гарема. «Все стены покрыты глазурованными украшениями, создающими впечатление изящества и роскоши, которое не так просто забыть, — пишет она. — Взгляд

привлекает сдержанное богатство декора, которое похоже на дворец из «Тысячи и одной ночи».

В этом древнем сказочном городе живут люди, работают ремесленники. «Наугад я брожу по узким улочкам и извилистым переулкам города. Вот огромный незаконченный минарет Калта-Минор, усеченный конус, переливающийся уложенными по диагонали фаянсовыми плитками. Он замышлялся как самый высокий во всей Центральной Азии, но начавший его Мухаммад Амин-Хан погиб в бою, и работы были прекращены.

Этот край города выглядит как шахматная доска: белые площади крыш переплетаются с черными площадками дворов.

На севере в основном возвышаются вершины мечетей и медресе. Среди них выделяется минарет Ислам-Ходжа. Его стройная башня, украшенная декоративными поясами из сине-белой керамики, вознеслась на 45 метров и господствует над городом. С вершины минарета, на который я взобралась, я вижу на западе, за оазисом, пустыню Кызылкум».

Пустыня манит ее, возможно там, в песках, простирающихся до самого Аральского моря, она найдет тот идеал душевной чистоты, ради которого совершила это путешествие, полное приключений, пройдя маршрут, измеренный тысячи лет назад переходами караванов Великого шелкового пути от одного поселения до другого.

Несмотря на глубокую осень и предупреждение шкипера речного катера, что на Арале навигация прекращается после 24 ноября, Элла Майяр спускается

вниз по течению Амударьи на маленьком каюке, переполненном людьми и товарами. У самого устья реки, на берегу моря она нашла приют в стойбище каракалпаков, отправляющих караван верблюдов с грузами вдоль берега в казахстанские степи.

Не каждому мужчине под силу путешествие в зимнюю стужу по промерзшей пустыне на верблюдах. Но отважную женщину не страшат испытания, которые ей предстоят. «Последний сон, последний ужин перед переходом через пустыню, который таит неизвестность, — описывает она начало пути. — Холодный ветер пощипывает щеки. В тишине мы уходим.

Шаги больших животных медленны. Каждый раз, уменьшая качку, покачиваюсь в такт и, наклонив спину, стараюсь не двигаться, чтобы сохранить тепло. Каждый час надо идти пешком, чтобы согреться. Задержавшись, я стараюсь нагнать караван, но ночь уже заглушила их силуэты и звон колокольчиков. Я зову. Без ответа. Звуки поглощаются пространством. Судя по звездам, я придерживаюсь правильного направления. Меня охватывает страх. Никогда больше не отведу взгляда от верблюда!».

Караван пересек вереницу высохших озер, над которыми пролетали лебеди, а в красноватых плитах солончакового грунта видно было множество розовых раковин. «Может поэтому пустыня названа Кызылкум — «красные пески»? — думала Элла.

Мужественно перенося лишения, ночуя в юртах или под открытым небом, скудно питаюсь, Майяр повторяет: «Насколько беднее был бы наш мир без импульса, данного теми, кто, как царь Давид, были кочевниками».

Караван закончил свой путь в Казалинске. Элла Майяр отсутствовала в Европе семь месяцев.

По возвращении в Париж ее ожидал восторженный прием. Дневниковые записи и целая коллекция фотоснимков послужили основой для книги «С Невесных гор до Красных песков. Туркестанское соло» о прекрасной и загадочной восточной стране. Музей «Трокадеро» предложил Элле Майяр сделать экспозицию из 200 туркестанских фотографий.

Парижская газета «Le Petit Perisien» в январе 1935 года командировывает молодую женщину в Маньчжурию, оккупированную Японией. Там она встретила Питера Флеминга, корреспондента газеты «Таймс», старшего брата Яна Флеминга, будущего автора бестселлера о секретном агенте Джеймсе Бонде. Питер немного знал китайский и умел дипломатично договариваться с провинциальными функционерами. Элла была хорошо приспособлена к походной жизни. Оба они, Элла и Питер, обожали риск и жизнь полную приключений.

Сначала на поезде, потом на автомобиле, на лошадях, на муле, наконец, пешком, они совершают рейд из Пекина через пустыню, северный Тибет и достигают запретных оазисов Синьцзяна — колыбели древней культуры. Затем из китайского Туркестана, охваченного восстанием исламского населения, тайно пройдя по обрывистым тропам Каракорума и Памира, они добрались до Кашмира. Итогом этого путешествия были две книги: «Запретный оазис» Эллы Майяр и «Татарский курьер» Питера Флеминга. Вспоминая эту поездку, путешественница писала: «Я хотела, чтобы это путешествие продолжалось всю мою

жизнь. Ничто не влечет меня на Запад, где, я это хорошо знаю, я буду чувствовать себя одинокой среди своих современников, интересы которых для меня чужды».

В июле 1939 года, накануне начала второй мировой войны, Элла Майяр со своей подругой Анн-Мари Шварценбах на автомобиле «Форд» покинула Швейцарию. В поисках «секрета гармоничной жизни» они направились через Турцию и Иран в Афганистан.

Когда Европа была охвачена пожаром войны, Элла, на этот раз одна, вновь отправляется в экспедицию — на юг Индии. Там под руководством двух гуру она постигает основы индуизма. Постигнув внутреннюю гармонию, «не являясь индианкой, но будучи европейкой», она решила вернуться в Швейцарию.

Элла Майяр мечтала вернуться в Центральную Азию и продолжить путь предыдущего путешествия, однако обстоятельства не позволили ей это сделать.

На закате своих дней отважная женщина писала: «Порой путешествие растягивается и иногда кажется, что оно закончится вместе с твоей жизнью».

